

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ БАБЬЕГО ЛЕТА В САМАРЕ

Офис американской профсоюзной организации находился в одном из старых московских переулков, недалеко от Нового Арбата. Сапегин нашел нужный ему подъезд, нажал на западавшие кнопки кодового замка, зашел в обшарпанный вестибюль, хранивший микроскопические остатки еще дореволюционной роскоши, и на секунду даже замер: так визжала электропила в одной из квартир.

- Наверное, железную балку режут, - догадался он. Москва только - только повально увлеклась евроремонтами. В центре без таких ремонтов богатые люди в квартиры вообще не селились. Виктор и сам о чем то таком подумывал, но деньги у него не задерживались, ни большие, ни маленькие.

- Проходите, - дверь открыл совсем юный парень. Несколько таких же ребят сновали в длинном коридоре, - Ирен ждет вас.

Ирен оказалась молодой женщиной со стройной фигурой и навсегда удивленными глазами. Они немного поболтали, знакомясь. Хорошенькая американка почти без акцента говорила по русски. Приехала в Россию еще при коммунистах, живет уже десятый год.

- Так вот что у тебя со взглядом, - пошутил про себя Сапегин.

- А именно социологией вам не приходилось заниматься? - наконец по делу спросила Ирен.

Он ответил, что вся его журналистская работа так или иначе связана с социологией.

- Ну, скорее всего, это то, что нам нужно на первом этапе. Мы, в перспективе, хотим создать в больших промышленных городах радио для рабочих. Свободное профсоюзное радио. На наши деньги. И сейчас нам надо диагностировать аудиторию. Наверное сегодня, после второго путча, в сознании рабочих происходят тектонические сдвиги. Идет рынок, надвигается капитализм, им будет трудно не то, что принять – понять глобальные мировые порядки. И, я думаю, нам надо сначала все узнать о структурировании нового сознания. Вот этим и займетесь в Самаре. Ну, все как полагается: анкетирование, опрос снизу доверху, от рабочих до директора.

- Замер общественного мнения...

- Да. Ну и анализ социальной атмосферы, обзор прессы, радио и телевидения, по теме. Так что собирайтесь, номер в гостинице заказали уже, получите сейчас деньги - и в Самару.

- Это я к вам хорошо зашел, - бормотал Сапегин, заталкивая в бумажник несколько сотен командировочных долларов, - поболтать насчет структурирования нового сознания.

- Шурик, - набрал он номер закадычного друга, - бросай все и дуй в «Прагу» найдешь меня на третьем этаже.

«Прагой», конечно, дело не кончилось. Зашли напротив, в Дом журналистов, но там им с ходу нахамил знакомый официант. После вышколенной «Праги» это бросилось в глаза. Чертыхаясь, они направились в ночной клуб «Маяк». Дома Сапегин оказался только под утро.

Вечером, уже почти восстановившись, и пролив горькие слезы по доброй половине исчезнувших в пучине наслаждений профсоюзных денег, он, от греха подальше, улетел в Самару.

Город сначала ему не показался. Но кончилось дождливое утро и вдруг наступила такая замечательная погода, что Сапегин, вышедший прогуляться и попить пива, невольно обрадовался и начал глядеть на старые купеческие особняки уже другими глазами.

- Материальный мир, данный нам в ощущении, - с кружкой пива философствовать было легко и просто, - а ведь уже октябрь...

Он пошатался по центру, спустился к набережной, и, наконец, уже надолго уселся за один из вынесенных на улицу столиков.

- Что будете пить, - спросила молоденькая официантка, - водку, коньяк...

- Нет, нет, нет, - забеспокоился Сапегин, - сегодня только пиво...

- Да нет проблем, сейчас будет пиво.

И опять стало легко на душе. Никого он в этом городе не знал, ни единого человека, ни — ко — го... Это непонятным образом расширяло собственную свободу. Впрочем, впечатление знакомое, такое уже бывало в других городах, Сапегин его ценил и всегда ждал.

Глаз радовало решительно все: цветочная клумба, разбитая неподалеку и испускающая невероятный, забытый с детства запах; проплывающие по широкой Волге лодки, катера, яхты и баржи, яркое синющее небо, горожане, семьями гуляющие по широкой набережной. Он опять подумал, что сегодня пятница, и на завод, который выбрал для социологического исследования, идти аж через два дня и совсем разомлел...

В это время зазвонили колокола. Церковь, видимо, была недалеко. Или так казалось — будто звонарь тянул за веревки совсем рядом. Мерный, грустный, таинственный, проникновенный звон повис в воздухе, окутал город.

Сто лет Сапегин не испытывал ничего подобного.

Вернувшись в гостиницу уже под вечер, Виктор, переполненный беспричинным весельем, прилег и неожиданно заснул.

Делать этого не стоило, так как сон в «час волка» всегда оборачивался для него стопроцентной бессонницей. Разбудил Сапегина стук в дверь.

Перед ним стоял мужчина лет тридцати с небольшим, широкоплечий, скуластый, крепкий.

- Ради Бога, извините, я ваш сосед по этой клетке, - мужик кивнул на небольшой коридорчик, в который выходили их номера. Распашонка называется, — у меня к вам большая просьба.

- Ну, рассказывайте...

- Слушай, друг, сходи на второй этаж, в буфет, купи бутылку водки, а?

Мужик был абсолютно трезв. Вполне дееспособен. Одет более чем. Глядел вполне серьезно, без шуток и идиотских ухмылок. И на хама был не похож...

- А полы тебе в номере не подмести? – Угрюмо посмотрел на него Сапегин. Голова после «нехорошего» сна была чугунной.

- Да ты послушай... Тут, брат, такое дело... Я вчера в кабаке что - то в этой недоделанной Самаре съел, и вот уже почти сутки меня несет. На заводе был, так у директора сортир в кабинете, оттуда с ним вопросы и решал. А сейчас меня привезли, я домой, в Тюмень, жене дозвонился. Она говорит, надо полстакана водки, а в ней размешать чайную ложку соли. Я до буфета – то еще добегу , а вот обратно... Выручи, друг, а?

- Ладно. Давай деньги.

- Конечно, конечно.

Мужик нырнул в свой номер, вынес деньги.

- Меня Петром зовут. А тебя как?

- А я Виктор.

- Спасибо, Витя. Ой, бля... - и Петр опять нырнул к себе

Пока Сапегин ходил за водкой, хорошее настроение опять вернулось к нему.

- Это ж надо... Вот попал мужик. Надо спросить, что он ел. И где. Все таки самый лучший друг в жизни – это жена.

- Может, и мне по новой жениться, - мысли, как обычно, неслись на бешеной скорости.

- Давай, давай, - засуетился Петр вокруг бутылки. Он начал вывинчивать пробку, а Сапегин повернулся на выход.

- Эй, Виктор, ты куда?

- Как куда? К себе...

- Да ты что, нехристь, что ли ? А ну садись.

- Петь, мы так не договаривались, мне работать надо.

- Какая сейчас – то работа? Девятый час...

- Я, понимаешь, социолог. Должен вечером послушать некоторые местные передачи, посмотреть их каналы... Для анализа...

- Ну, работа. Так я сейчас у себя все это включу, а ты садись.

Он одной рукой нажимал на кнопки телевизора, а второй размешивал соль. Потом залпом выпил водку, ополоснул стакан, и плеснул «столичной» себе и Сапегину.

- Вот, а теперь давай за знакомство.

- Ну, понемногу можно. – Сдался Сапегин. Как будто не знал, чем эта его слабина кончится. Так все и произошло.

Разошлись они часа в два ночи, не допив третью бутылку. Петр оказался хорошим малым, компанейским, веселым. Про свой живот он забыл еще в первые полчаса. Хотя ,скорее всего, рецепт жены все таки помог.

Утром в дверь вновь кто-то постучал. Сапегин, который уже проснулся, чуть-чуть очухался, и лежал, ругая себя последними словами, встал, надел тренировочные штаны, открыл. За дверью стоял его веселый сосед.

- Че, опять? – Испугался Виктор.

- Не опять, а снова, - разулыбался Петр, - зайти – то можно?

- Заходи.

Петр вытащил из карманов кожаной куртки две бутылки «Жигулевского», поставил их на стол, локтем отодвинув на край кучу сапегинских денег.

- Че это ты их напоказ?

- Да какой напоказ. Вчера же, помнишь, еще ходили в буфет, вот я их потом и выгреб на стол...

- Понятно. Ладно, сейчас пивка попьем, а потом собирайся, поплывем на «Жигули».

- Петя, какие «Жигули»? Ты спятил, что ли...

- Слушай, ну вот есть такая возможность. Там, на «Жигулях», у завода, куда я приехал, база отдыха. Уже, - он посмотрел на часы, - уже баню растопили. Катер нас на берегу ждет, а вечером привезут. Не поедешь, потом сам себя клясть будешь. Посмотри какая погода...

Он кивнул на окно, залитое солнечным светом. Бабье лето. Солнце и пиво сделали свое дело – Сапегин пришел в себя, и чертыхнувшись, засобирался.

Пока шли к Волге, выпили в забегаловке еще по кружке. На душе стало совсем спокойно.

Катер был причален к небольшой пристани, на которой стояли два парня в телогрейках. Заметно было, что похмелялись они не пивом. Один, в черной вязаной шапочке, натянутой на лоб, улыбаясь, сказал.

- Привет, начальники. Вы садитесь, а мы с Валерой сейчас сбегаете тут к куме, у нее поминки... Мы через пятнадцать минут назад будем, не подумайте чего...

- Вы что, ребята. Вам же директор приказал меня на «Жигули» отвезти, какие поминки?

- Мужик, да что же делать – то... Он, покойник, нам с Валеркой как родной был...

Неуж не отпустишь по стопке пропустить? Не по русски как-то ...

- Черт вас возьми. Если через пятнадцать минут не придете, пеняйте на себя, без обид...

- Это да... На себя обижаться будем... Шучу, будем через пятнадцать ...

И они ушли. Сапегин с Петром развалились на сиденьях катера, грелись на солнышке. У Виктора уже и мысли не было отказаться от поездки – пошел кураж.

- Слышь, Витек, а ты бабки – то с собой взял? – Лениво спросил Петр.

- Да нет, в гостинице оставил. Дежурной по этажу под расписку отдал. Видел, такая пышная тетка, грудь – 6 номер, не меньше...

- Ох ты, - приподнялся Петр, - а че ж мне то не сказал?! У меня с собой 18 лимонов, я ведь завтра поеду в Тольятти, десятую модель цвета сафари ребята приготовили...

И он похлопал себя по животу.

- Пояс, что ли?

- Ну да. Да на фига он нужен, если такая услуга существует. Я в этой гостинице уже пятый раз останавливаюсь, а про нее впервые слышу. Хотя, правда, и бабки такие

в первый раз с собой...

- Слышь, Петь, а ты вообще - то кем работаешь?

- Коммерческий директор завода. Промышленный фарфор, на энергетиков пашем.

- А мне показалось, что ты чего-то хозяин...

- Да оно почти так и есть. 27 процентов заводских акций – мои...

- Дома как? Хорошо живешь?

- Лучше не придумашь. Вот, - он достал бумажник, в нем фотография миловидной молодой женщины, - Полина, жена. Ух, ты моя родная...

Петя поцеловал фотографию, и в это время появились два «моремана», поддерживающие друг друга.

- В Бога душу, - почти без перехода выругался Петр, - ну я им в следующий приезд устрою...

- В следующий... Ты скажи, что сейчас –то делать будем?

- Витек, поплыли. Больше они и грамма не получают, у меня с собой –то есть, по дороге примем.

- Ладно, поплыли.

Сапегин сел рядом с водителем, тем самым парнем в черной шапочке, который, к тому же, нацепил огромные черные очки. Второй, совершенно бухой мужик, устроился сзади с Петром. Шли, слава Богу, вдоль берега. Впереди прекрасный день с баней, природой...

Пока была еще купеческая Самара - сплошь особняки, и, кстати, трудно понять, новодел это или девятнадцатый век – Сапегин сидел, крутил башкой, восхищался, завидовал... Потом его толкнул в плечо Петька, дал небольшой пластмассовый стаканчик со вчерашней водкой. Сапегин выпил, расслабился...

А когда открыл глаза, задрожало все. Зеленое, желтое, красное – три цвета плавилась под еще хорошо пригревающим осенним солнцем в одном плавильном котле. Маревы были какое-то невообразимое, нестерпимое...

Уже завтра деревья начнут активно сбрасывать листья, останутся голыми, черными, мрачными. А сегодня они прощались с летом, с ними – с Сапегиним, с Петром, и даже с этими двумя долбоебами...

Виктор с трудом оторвал взгляд от берега, посмотрел вперед, и не зря – катерок вовсю мчал на торчащий метрах в пятнадцати бакен.

- Эй, ты куда прешь, - Виктор судорожно вспоминал, как зовут парня. Как будто это что-то могло изменить. Парень руль не отпускал, не сворачивал, на крик Сапегина не реагировал.

- Сворачивай, твою мать, - Сапегин успел толкнуть его, тот как-то скособочился, очки слетели, глаза были закрыты – он крепко спал.

Катер протаранил бакен через секунду, чуть приподнялся в воздух, упал в воду левым бортом, перевернулся. Сапегин ничего не успел подумать – просто погрузился в воду толчком, поэтому чуть хлебнул, мгновенно вынырнул. Около него бил по воде руками и страшно матерился Петька, двое гавриков довольно бодро плыли к берегу, до которого было метров двадцать.

- Поплыли, Петь, не кричи...

- Витька, если выплывем, про деньги молчи. Мало ли что на уме у этих сволочей...
- Хорошо, хорошо, поплыли, хватит барахтаться.

Доплыли они с трудом – мешали кожаные куртки. Сбрасывать было жалко – берег – то вот он, рукой дотянуться можно. Петя и Сапегин на четвереньках вылезли на сплошь застланную листьями землю, сели. Рабочий класс, сбросив стежонки, карабкался вверх, по склону горы.

- Слушай, Петь, а кто эти ханурики? Че это за матросы такие?
- Да раньше слесарили на заводе, - скрипнул зубами Петр, - теперь делать – то нечего, вот, сшибают рюмки в таких поездках, шакалят...

Сапегин посмотрел на удаляющиеся фигуры слесарей, на Петьку, отряхивающегося по собачьи, всем телом, вдруг вспомнил слова Ирэн, «опрос снизу доверху, от рабочих до директора», и расхохотался.

- Опрос ты кажется уже провел. Главное, есть все признаки тектонических сдвигов в сознании. Можно ставить галочку, - промелькнуло.

- Что, Витек, перепугался, что ли?

- Да было немного по началу...

- Ух, а я за бабки боялся...

- Чего за них бояться, если сам утонешь...

- Тоже верно. Слушай, так замерзнем, не лето, надо что-то делать, костер, что ли...

- У тебя же водка была. А костер не разожжем, нечем.

- Ну ладно, - Петр вытащил плоскую фляжку, - слава Богу, куртку не сбросил.

Они выпили, и расслабленной рысцей двинулись вдоль берега к городу, благо уплыли недалеко. Была уже середина дня, солнце вошло в зенит, и, казалось, отдавало энергии больше положенной осенью. Они быстро обсохли, перешли на шаг, водка подействовала, злоба ушла, и так, похохатывая, добрались наконец до окраины.

- Так. – Петр задрал рубаху, расстегнул один из клапанов на своем поясе, достал кучу кредиток. – Сегодня гуляем. Могли ведь и правда утонуть, если бы не вдоль берега шли...

- Это к гадалке ходить не надо...

- Ну, сейчас я их обсушу, - он выложил деньгами огромный лысый валун, - и двинули на рынок. Для начала надо найти свежего осетра...

- Петя, твою мать, я когда работать буду...

- Завтра, брат, все завтра. О, уже сухенькие... Вот погода, когда еще такой дождешься...

- А, - махнул рукой Сапегин, - пошли...

Они долго бродили по рынку, искали этот чертов осетр, на котором Петька решительно зациклился, попутно выпивая в бесчисленных забегах, и закусывая только черной икрой, потом набрали на приличный ресторан, там, наконец, Петр вытащил из кухни повара, объяснил насчет осетра, и начал через каждые пятнадцать минут заказывать для Сапегина песню «Я в весеннем лесу пил березовый сок».

- В осеннем, - каждый раз поправлял захмелевший Сапегин, - и не сок, а водку...

- Так и не попарились, - Петька чуть не плакал, - а в Волгу нырнуть, это брат... Прямо из парилки...

- Без парилки тоже ничего...

Петр окидывал взглядом ресторан, с надеждой смотрел на вход – вдруг ворота сейчас откроются и войдут в чертоги эти двое без телогреек... Ух, какой бы им жизнь после этого показалась... Непростой, тяжелой и длинной...

Но, конечно, не вошли в терем ушкуйники, а в самом зале народу было чуток.

Рядом веселились две женщины с халдами на голове, в вязанных кофтах.

- Смотри, Виктор, ****во сидит...

- Да ты че, Петь. Какие ж это проститутки. Это две бухгалтерши из района. Вот, выбрались в командировку, отдыхают...

- Сам ты бухгалтер из района. Говорят тебе ****во, значит ****во. Пойду, закажу для них песню...

Так в повествование закрался мотив продажной любви. И теперь уж останется почти до самого конца.

Долго еще Петька кривлялся, подмигивал, строил рожи, после того, как тетки, услышав «...в весеннем лесу» « для дам за третьим столиком слева», стали слать ему знаки всяческого внимания. Но подходить к ним не стал. Наоборот, как-то подсобрался в конце концов, и предложил Сапегину переместиться в родные номера.

И впрямь нужно уже было уходить с арены, водки выпили немеряно. Они быстро поймали такси, и, ввалившись в Петькину конуру, стали выгружать шампанское, вино, водку и коньяк пополам с речными деликатесами.

- Да, жизнь удалась, но не до конца. Но ты, Витюха, не ссы. Сщас мы это дело исправим. Ты каких любишь, толстых или тонких?

- Петро, ты уж извини. Я это дело не приветствую.

- Как это? Ты че городишь?

- Ну, я не люблю проституцию как институт.

Петька посмотрел на него с уважением. Фраза произвела впечатление. Или он вспомнил, что уже вторые сутки проводит в компании журналиста и социолога. Сам-то Сапегин о своей проамериканской миссии почти и не думал. Так, изредка и случайно. Реальная жизнь оказалась глубже, интереснее и богаче.

- Ну, дело хозяйское. А я свою вызвоню... Ты наливай, наливай пока...

- Какую это свою?

- Да мы уже второй год вместе. Ирка, подруга моя незабвенная. – Петю что-то потянуло на пафос. – И кот ее, Виталик, хороший парень, следит, чтоб не обидел кто...

- Да уж только за этим и следит!

- Ну, есть, конечно, своя специфика, - нехотя согласился Петька, - профессия такая, ее издержки, так сказать...

- А ты этому способствуешь...

- Заметь – с удовольствием способствую. – Грубо захохотал коммерческий директор.

Кот Виталик и незабвенная подруга прибыли минут через десять. Виталик, крупный, молодой еще парнишка, подозрительно уставился на Сапегина.

- Этот тоже будет?

- Нет, этот не будет.

- А че так? – Обиделась Ирка.

Кого-то она ему сильно напоминала. Сапегин мучительно напрягал пьяные мозги – где-то он видел эту женщину, причем недавно. Виталик ушел, они сели, и начали – или уже закончили - вечер. Все же Виктор не выдержал и спросил у Ирки, не встречались ли они гденибудь.

Ирка пожала плечами, а Петька опять рассмеялся.

- Знаешь, кого она тебе напоминает? Вот, смотри...

И Петр достал фотографию горячо любимой жены Полины. Сапегин смотрел, и глазам не верил – Ирка была ее точной копией.

- Да на кой она тебе сдалась тогда? Че, жены одной мало, что ли?

- Любовь, брат, любовь. Не могу долго без Польки, и вот, поди ж ты, Бог услышал мои мольбы, нашлась Ирка. Решение проблемы, так сказать...

- Пожалуй, пора мне спать идти. На сегодня хватит, - решил Сапегин. У себя он сдернул одеяло, плашмя повалился на кровать. А за стенкой уже вовсю орала Ирка.

- Если Виталик кот, то эта чистая кошка, - последнее, что промелькнуло в переутомленной замером общественного мнения голове Сапегина.

Утром он сквозь сон увидел Петра, который составлял все, что осталось от вчера, на его столик. Сверху положил визитку, потом повернулся к нему, и весело подмигнул.

- Ну, давай, браток. Авось увидимся еще.

Потом он спал еще часа два, а проснувшись, подумал.

- Черт, надо ехать домой, И баксы придется вернуть, ничего не поделаешь. Только американцам мог придти в голову такой бред...И объяснять ничего не буду, отдам бабки, и все. Придется недельку поприжаться. Кстати, а сколько осталось? Я ведь деньги вчера у этой фемины так и не забрал. Может, не так уж все и плохо, а? Сапегин присел на кровати, с трудом владея собственным телом.

- Черт, да что же это такое? Наваждение, что ли. Ведь никого в этой Самаре не знал, а как все повернулось...

- Грехи наши тяжкие, - вздохнул Сапегин. Он пошел в ванную, принял горячий душ, потом вылил на себя два таза холодной воды, съел осетра, уже немного подвявшего, но, правда, хорошо просоленного, бутерброды с икрой, запил все двумя стаканами «Саперави», и решил идти вызволять свои финансы

Выйдя из «распашонки», он натолкнулся на одну из вчерашних «бухгалтерш». Та выгружалась из номера напротив, за ней мужчина армянского вида. «Бухгалтерша» приветливо улыбнулась Сапегину, как старому знакомому.

- Ну Петька, черт. Феномен. Насквозь соплеменников видит, - признал Сапегин.

Фемину он нашел быстро. Было ей лет этак тридцать пять, с хорошими манерами

и, как уже замечено, красивой большой грудью.

- Вы извините, деньги на первом этаже хранятся, в сейфе. Вы или здесь подождите меня, или, хотите, в номер занесу.

- Хм. Да уж лучше в номер...

Сапегин шустро вернулся к себе, прибрал на столе, застелил кровать, оценил запасы с Петькиного барского стола. Барин оставил коньяк, «Саперави», бутылку шампанского, половину осетра, икру, и килограмма два шевелящихся раков в полиэтиленовом ведерке

- Нормально, - подумал Виктор и крикнул на стук: «Входите, не заперто...»

Она присела, достала деньги.

- Пересчитайте...

- Да и так видно, что все в порядке...

- Положено, - повела она плечами, - впрочем, как хотите. А вы мне расписку верните.

- Конечно, конечно, - засуетился Сапегин, - где же она...

Наконец, нашлась, почти вся размытая волжской водой.

- Что это с ней?

- Да вот, искупался вчера нечаянно в великой русской реке. Слушайте, а как вас зовут?

- Меня... Светланой Николаевной меня зовут. Даже и не знаю, что делать...

- Да бросьте, Светлана Николаевна. Вы же видите, что это ваш документ...

- Да, - кивнула она, - конечно, мой...

- Ну, тогда с этим все. Вы когда смену заканчиваете?

- Через час. А что?

- А давайте после смены посидим, поговорим...

- Что, вчера не насиделись, - улыбнулась она.

- Эх. Вчера вообще - то не мой вечер был...

- Бывает. Ну что ж, можно и посидеть, только если без глупостей...

Теперь уже Сапегин пожал плечами. Мол, конечно. Хотя, с другой стороны, куда без них-то, без глупостей... Понимай, как хочешь.

Светлана Николаевна, как и чувствовал Сапегин, оказалась человеком образованным.

- Вот вы, дорогая, так в живописи хорошо разбираетесь, все шумные столичные выставки помните, а работаете почему-то в гостинице, простой дежурной...

- А вы, дорогой, с луны, что ли свалились? Мало того, что вопрос хамоват, так он еще и глуповат, Наверное, сильно вчера перебрали?

- Сильно. — Сапегин на правду не обиделся. — Понял, понял. А все равно интересно, кем в прежней жизни были?

- Да, в прежней жизни... Все ее сейчас клянут, да и я иногда тихим словом вспомню, все эти партбюро и бюро райкомов, но что-то все равно в душе теплеет... Технологом я была, Витя, на авиационной заводе. Занималась настоящим делом, причем сугубо секретным. И жила, конечно, не в пример сегодняшнему дню. Серьезный был завод. Испортили все сначала большевики, идиоты, теперь вот... -

она запнулась, - а так, что на «Боинге», что у нас – конвейеры не отличишь.

- Что, приходилось бывать на «Боинге»?

- Приходилось, - прищурилась Светлана Николаевна, - и не только на «Боинге».

- Тогда вы должны понять. – Сапегин, уже хорошо положивший на вчерашнее коньяка, рассказал ей о голубой мечте американских профсоюзов. Оказалось, опрометчиво рассказал, хотя вроде, закусывал, и раков ему в буфете сварили превосходно.

- На их деньги? - Удивленно посмотрела на него Светлана Николаевна. Сапегин тут же вспомнил взгляд Ирэн. – Это значит, они будут интересы наших рабочих на этом радио отстаивать...

Тут она как-то икнула, прыснула, и вдруг начала хохотать .

- Ох, уморил, Витя, уморил. Ну, они кретины, это всем теперь ясно, но ты то...

- А что я, - оправдывался Сапегин, - я уже и плюнул давно на эту затею...

Светлана Николаевна утиралась платочком, наливала себе грузинского вина, и вдруг опять икала и заливалась своим низким, с хрипотцой, смехом.

- Ладно, прости, больше не буду...

- Да уж, закрыли тему. Раз и навсегда.

И они ее закрыли. Хотя к вечеру Сапегин сбегал в буфет, купил все по новой, и говорили они еще долго, но интересы рабочего класса из их беседы исчезли, действительно, навсегда.

Проснувшись, он обнаружил, что ее рядом нет. Виктор долго еще лежал, вспоминал, когда же она ушла – все бесполезно. Тогда Сапегин начал с другого конца, с той минуты, когда Светлана Николаевна принесла ему деньги. Картина быстро восстановилась. Он встал, пошел в ванну на оздоровительную процедуру. Стало чуть легче.

- Черт, - опять вспомнил Виктор, - осталось меньше половины баксов, а еще билет покупать... Ладно, на той неделе получу гонорар, зарплату, доложу, и отнесу...

Тут только он заметил, что на улице от вчерашнего осеннего рая остались одни воспоминания. Крутила тихая метель, и снег летел в его номер через открытую форточку. За какие – то несколько часов Самара стала совсем другой. - Ишь ты, притихла, - невольно рассмеялся Сапегин, - что, не вместе вчера гулеванили...

А улетать было неожиданно пронзительно тоскливо. Будто что – то он нашел и тут же потерял в этом городе.